

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2020.2\(34\).218136](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2020.2(34).218136)

УДК 929.167.7

Инна Голубович

«ОТКРЫТАЯ БИОГРАФИЯ». М. А. БИРМАН О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ П. М. БИЦИЛЛИ

В статье критически анализируется книга известного историка М. А. Бирмана «П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество» (М., 2018). Это первая полномасштабная биография выдающегося представителя российско-украинского эмигрантского зарубежья. Реконструируя замысел и осуществление «сводного обзора жизни и творчества», предлагаемого одним из создателей междисциплинарной области «бициллиеведение», мы обосновываем тезис о книге как об «открытой биографии», принципиально незавершенном проекте, интригующем интеллектуальном предложении для гуманитарного сообщества.

Ключевые слова: бициллиеведение, П. М. Бицилли, М. А. Бирман, биоисториописание, Л. П. Карсавин, И. М. Гревс, Салимбене.

О книге, которую мы представляем, уже в первых строках введения емко и исчерпывающе высказался сам автор – известный историк, славист, балканист, исследователь российской научной эмиграции Михаил Абрамович Бирман: «Предлагаемый читателю труд – первый в формате самостоятельной книги опыт сводного обзора жизни и творчества замечательного ученого-гуманитария из соцветия выдающихся талантов русского зарубежья Петра Михайловича Бицилли» [Бирман 2018: 7]. За этой краткой интродукцией стоит огромная многолетняя работа, преданность своему герою, «моя бициллиана», как выразился сам М. А. Бирман. Даже неполный перечень соответствующих работ исследователя впечатляет [Бирман 1997, Бирман 1998, Бирман 2000, Бирман 2002, Бирман 2005, Бирман 2006, Бирман 2009].

Бициллиеведение, область, в которой у Михаила Абрамовича одна из ведущих позиций, сегодня представляет собой «многожанровый и полидисциплинарный исследовательский ландшафт». Ученые из Болгарии, России, Украины, США, Израйля, Македонии и Сербии, других европейских стран – медиевисты, русисты, балканисты и славяноведы, филологи и лингвисты, политологи и философы, историки и историографы создали новое научное направление, персоноцентрично сфокусированное на истории ученого, сумевшего своей неординарной личностью, жизненным подвигом, трагедией судьбы и невероятным по глубине и парадоксальности (определение М. А. Бирмана) творчеством сплотить представителей столь различных научных миров. (См. подробнее об историографии бициллиеведения [Бирман 1998, Попова 2008, Попова 2017, Попова,

Голубович 2018]). И, несмотря на то, что на этой ниве подвизается достаточно много исследователей, однако, пока никто из них не отважился на создание полноценной биографии ученого. Соприкоснувшись с этой междисциплинарной областью, я отчетливо осознаю ответственную серьезность тех резонансов, которые не позволяют другим исследователям приступить к столь масштабному предприятию: множество «белых пятен» в источниковой базе, с одной стороны, с другой, – обнаружение в последние годы корпуса ранее неизвестных архивных материалов, которые взрывают уже сложившиеся схемы и шаблоны канонической интеллектуальной биографии П. М. Бицилли, разнообразие и даже «конфликт интерпретаций». Об этом свидетельствуют презентации и дискуссии на двух последних крупных международных конференциях, посвященных ученому: «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953): Возвращенное наследие» (София, 2018 г.) и «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П. М. Бицилли» (Москва, ноябрь 2019 г.). Можно только сожалеть, что в Одессе, на родине ученого, и в Одесском университете не состоялось никаких юбилейных мероприятий. Во время софийской конференции был представлен доклад М. А. Бирмана «О масштабах возвращенного наследия П. М. Бицилли (опыт характеристики количественных показателей)», материал которого вошел в книгу. Здесь уже акцентируем внимание автора к систематике, классификации и полноте «количественных показателей». Обустроенность книги огромным источниковедческим багажом, плотность деталей и фактов на страницу текста почти предельная.

Фигура «герменевтического круга», диалектика целого и отдельного, в этой ситуации – отнюдь не метафора, а реальная исследовательская проблема и затруднение. И нужна определенная научная дерзость, решимость, чтобы выйти из этого круга, необходима страстная энергия превращения отстраненно-объективированного и науковедческого модуса «бициллиеведения» в экзистенциальный, аутопоэзисный акт «моей бициллианы», где при этом в исследовательской страстности не теряется беспристрастность и научная объективность. Итог: открытая биография. Открытая для разнообразия интерпретаций и бесконечно углубляющегося понимания, когда «призрак» герменевтического круга – уже не столько затруднение и почти тупик, а путеводитель на то, что процесс понимания исторических событий и индивидуальной судьбы-биографии не может быть завершён, мысль движется по расширяющемуся кругу. В этом смысле лучшая биография – та, которую можно назвать материалами к *биографиям* (принципиально важно во множественном числе). Именно так бы я охарактеризовала жанр книги, считая такую характеристику важнейшим достоинством и преимуществом.

Чтобы оттенить именно эту особенность, в качестве безупречного примера иного жанра – «материалы к *биографии*» укажу на книгу о еще одном выдающемся представителе российско-украинской эмиграции Дмитрие Чижевском: Д. И. Чижевский, Избранное: В 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977)» [Чижевский 2007]. Судьбы двух ученых пересекались в режиме «заочного диалога» [Васильева 2008]. В книге М. А. Бирмана этому сюжету уделено пристальное фактуальное внимание. В тщательно составленном именном указателе имя Д. И. Чижевского встречается 10 раз в соотношении с разными фрагментами текста. При этом в отдельный развернутый сюжет эта тема не выделена, зато источниковедческая база отношений двух интеллектуалов щедро предложена будущим исследователям.

Судьба подарила мне счастливую возможность пусть эпизодического, но достаточно плотного общения с Михаилом Абрамовичем как раз на этапе подготовке книги, когда он стремился в эпистолярном общении со многими коллегами собрать как можно больше информации о современном состоянии «бициллиеведения». Меня лично подкупила скрупулезность историка, которому было важно в составлении раздела II «Приложения» – «Литература о П. М. Бицилли» (книги, статьи и публикации разных форматов и жанров, включая мемуары, о жизни и творчестве П. М. Бицилли) [Бирман 2018: 386–421] учесть всех, кто внес свой вклад в изучение жизни и творчества ученого, от маститых ученых до начинающих исследователей, особенно на родине своего биографического героя – в одесском интеллектуальном ландшафте. В одном из писем М. А. Бирман сам дал краткую экспликацию своей десятой по счету крупной работы о П. М. Бицилли: «это – первый сводный труд, сочетающий объемную «реконструкцию» его биографии и панорамный обзор всей его разноплановой деятельности, многодисциплинарного наследия выдающегося ученого-гуманитария» (Письмо М. А. Бирмана И. В. Голубович, Ашдод/Ашкелон – Одесса, XII, 2018). Я бы добавила еще один «регион» объемной во всех смыслах архитектоники книги: это – «археология» бициллиеведения, конечно же, далеко не исчерпывающая, поскольку сегодня в одиночку почти невозможно удержать в поле зрения все книжные и журнальные новинки по данной теме. М. А. Бирман в монографии уточняет неверные позиции в ранее опубликованных текстах (в частности, по поводу времени знакомства П. М. Бицилли и И. А. Бунина: принимает аргументацию Т. М. Двинятиной о знакомстве и единственной личной встрече Бунина и Бицилли в Одессе в 1919 году) [Бирман 2018: 58].

В рамках краткой критической статьи представим лишь общее содержание и смысловую архитектуру книги, а также некоторые важные

ее контексты. Книга построена по хронологическому принципу и состоит из двух частей, неравноценных по объему: «Одесса» (главы «Детство и юношество. Годы учебы» и «Становление ученого» [Бирман 2018: 17–64] и «Жизнь в эмиграции» (главы: «Пребывание в королевстве С.-Х.-С. (Югославия)», «В начале болгарского периода», «Тернистый путь профессора-контрактника 1930 гг. (29.IX.1932– VIII.1939)», «В пору бомбежек и потрясений II Мировой войны (IX.1939– IX.1944)», «Последние годы»)) [Бирман 2018: 64–277]. Верный принципу спацио-темпорального единства биограф даже в названиях глав предпочитает быть предельно точным в указании хронотопа жизни своего героя. «Заклучение» может быть представлено и как самодостаточная, строго систематизированная работа, в ней и осуществляется синтез всех ранее выделенных аспектов и тематических блоков [Бирман 2018: 277–293]. Это наиболее концептуальная и теоретически насыщенная часть книги. Здесь автор решается на то, чего избегал в основных главах и разделах: на поиск «биографического шифра», «биографического ключа» драматической и даже трагической судьбы своего героя («многодисциплинарный гуманитарий-универсал», «подлинный специалист по истории европейской цивилизации и культуры», «великий труженик, наделенный выдающимся оригинальным талантом», «поразительный человек», не укладывающийся в стандартные для ученого мира рамки», и даже – «пензионер без пенсии», оказавшийся в изоляции в последние годы жизни). Здесь обобщаются показатели внешней (количественной) стороны наследия Бицилли, жанровой структуры его научной продукции, изданий и переизданий его работ, их успеха и признания, в том числе и после смерти ученого. Осуществлен панорамный обзор содержательных аспектов трудов ученого, на основе которого выделены 13 дисциплинарно-тематических блоков, подкрепляющих «биографический шифр» полидисциплинарного интеллектуала, не укладывающегося в стандартные узко-цеховые рамки (сам П. М. Бицилли использовал в переписке с Г. В. Флоровским достаточно резкое выражение – «цеховое тупоумие»): античность и средневековье, всеобщая история, теория исторической науки / историософия / историография / преподавание истории; сочинения о классиках русской литературы. Отдельно выделены: теория и история мировой и русской литературы, а также сочинения по теории и истории русского литературного языка и по фольклору и т. д. Уверена, что представленная спецификация вызовет дискуссию, но, несомненно, стоит принципиально поддержать это интеллектуальное предложение. У меня вызывает несогласие объединение рубрик «теория исторической науки / историософия / историография / преподавание истории» в один блок. «Историософия» также крайне уязвимое

наименование по отношению к ученому, резко отторгавшего генерализирующую, гипостазирующую философию истории гегелевского типа, метафизику истории. На то, что «историософия», скорее, была предметом критики для Бицилли указывают и М. А. Васильева [Васильева 2008: 19], и В. Л. Левченко [Левченко 1999].

Почти треть объема книги занимают «Приложения» [Бирман 2018: 294–440], тщательно составляемые в течение многих лет. Здесь в полной мере проявились позитивистские предпочтения историка-эмпирика, уже отмеченная нами ориентация на полноту количественных характеристик. Перед нами развернутый и тематизированный справочник, глубоко продуманное в рамках избранной методологии картографирование биографии Бицилли. Читатель найдет схемы родственных связей Бицилли и его жены Марии Тимофеевны (Тадушевы) Полянкевич, хронику жизни и творчества, алфавитный перечень адресатов П. М. Бицилли, чьи письма и публикации хранятся в Пушкинском доме, список псевдонимов и криптонимов своего персонажа, список периодических и полупериодических изданий, где он печатался, перечень названий 95-ти спекуров прочитанных профессором истории в Софийском университете в 1924–1948 гг.). Последнее, седьмое «Приложение» – преимущественно, качественно-количественный срез состояния бициллиеведения. Кроме подробнейшей сорокастраничной библиографии опубликованных работ и писем П. М. Бицилли (это уже второй, расширенный вариант, снабженный вступительными замечками), представлена обширнейшая литература о нем за 1912–2016 годы. Почти за каждой позицией этого списка, особенно последних лет, стоит личное эпистолярное общение, неустанный труд по «собираанию» тех, кто приобщился к жизне- и мыслетворчеству незаурядного ученого, кто содействовал возвращению его наследия. В самом тексте монографии также представлен богатый иллюстративный материал – около 60 рисунков и фотографий одесского и эмигрантского периодов.

Автором осуществлено предельное «приближение к Бицилли» (метафора Т. Н. Поповой, которая близка Михаилу Абрамовичу, на что он специально указал в нашей с ним переписке. Для него я бы уточнила эту метафору – «приближение к феномену Бицилли»). Однако это отнюдь не «погружение в чужую психею», это не та историко-герменевтическая, историко-психологическая, мировоззренческая установка и методологическая процедура, которая составляла научное кредо самого Петра Михайловича. Данный метод, как мне представляется, инороден теоретическому подходу М. А. Бирмана, на что опосредованно указывает и А. Тесля в своей рецензии на монографию: «Автор всячески избегает

касаться погружений во «внутренний мир» своего героя, развернутых интерпретаций – и в тех случаях, когда не опирается на конкретный источник, последовательно оговаривает свои или других исследователей предположения, в доброй позитивистской манере жестко отделяя установленные факты от гипотез» [Тесля 2018].

И здесь встает еще одна принципиальная методологическая проблема, которую мы в рамках рецензии лишь затронем. Она касается теоретических и даже онтологических презумпций таких междисциплинарных областей как биографистика, биографика, биоисториописание, для которых крайне значим этос и модус погружения в иную жизнь. Важнейший вопрос – какова внутренняя духовная и интеллектуальная связь между биографом и биографируемым: конгенность или дистанция? Я полагаю, что в данном случае это позиция дистанции, иноприродности исследовательской установки. Однако такая диспозиция предлагает новые возможности, создает более многомерную оптику прочтения «книги жизни» выдающегося ученого. Если П. М. Бицилли концептуально и методологически тяготеет к философии жизни, к исторической психологии, антропологии и герменевтике, то М. А. Бирман ориентируется на стандарты объективистского, системного эмпирического историописания, в духе «добротного позитивизма», как справедливо отмечает А. Тесля. О своем методе Бицилли емко высказался, в частности, в письме к Г. В. Флоровскому, еще одному одесситу-эмигранту, своему студенту по историко-филологическому факультету Императорского Новороссийского университета, ставшему в первые годы эмиграции другом и собеседником. Говоря о своих планах на предполагаемой (но не состоявшейся в запланированный срок осенью 1922 года) защите магистерской диссертации Флоровского «Историческая философия Герцена», ученый пишет: «Я, может быть, ... воспользуюсь случаем не для “дискуссии”, а для прославления Вашего (NB и моего собств[енного]) метода интерпретации “текстов” при помощи “перемещения себя внутрь” их автора, и поговорю о том, насколько это правильно и удобно не только для “философа”, но и для историка» (П. И. Бицилли, Письмо Г. Ф. Флоровскому от 17.11.1922 г. [Галчева, Голубович 2015: 172].

В указанном несовпадении, «несродном сродстве», несомненно, одна из интриг представляемой книги. Вместе с тем, историк-биограф выбирает в качестве эпиграфа и методического путеуказателя в своей версии биографической реконструкции / воспроизведения-конструкции / биографического синтеза высказывание П. М. Бицилли, которое «доброму позитивизму» никак не противоречит: «... философ, естествоиспытатель, историк прежде всего – творчески в области своей науки раскрывающая

себя личность... Его научная деятельность является... его биографией» [Бирман 2018: 3]. Мы имеем в определенном отношении дело со своеобразной «двойной герменевтикой». Автору биографии символически помогает герой биографического повествования, который в своем собственном творчестве больше, чем кто-нибудь другой, сделал для утверждения современных стандартов биографического письма, для свершения «биографического поворота» в ряду многих других фундаментальных “turn” и “kehre” нашего времени [Голубович 2010, Попова 2019: 59-63 (Глава «О поворотах и дисциплинах»); Curriculum Vitae... 2010]. Поворотной в указанном контексте является первая крупная работа П. М. Бицилли, его магистерская диссертация «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (Одесса, 1916) [Бицилли 1916]. Историю и полемический контекст ее создания достаточно подробно и «плотно» реконструирован в монографии Бирмана: публикация монографии, отзывы на нее в России и в Италии (Л. П. Карсавин, В. Забугин), защита магистерской диссертации на основе монографии в мае 1917 г. в «центре изучения европейского Средневековья» – на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, руководимой И. Гревсом, он же стал одним из оппонентов наряду с известным филологом Д. П. Петровым и оппонентом «от публики» Л. П. Карсавиным [Бирман 2018: 46–49]. Мне в этой реконструкции не хватило полемического контекста: а) соотнесения «Салимбене» с книгой Льва Платоновича Карсавина «Очерки религиозной жизни Италии XII–XIII веков» (1912), на которую постоянно отзывается согласием и несогласием в своем «итальянском» тексте Бицилли, хотя отношениям ученого со своим постоянным оппонентом и внутренним собеседником в других главах книги Бирмана уделено достаточное внимание; б) постановки дискуссионного для многих бициллиеведов вопроса о принадлежности ученого к петербургской школе медиевистики [Клюев, Свешников 2014].

О том, чего еще мне не хватило в фундаментальном «сводном обзоре» жизни и творчества незаурядного ученого-гуманитария, выскажусь словами самого Петра Михайловича Бицилли, обращенными к своему младшему другу Г. В. Флоровскому в уже процитированном письме (оно представляет собой первый известный нам серьезный отзыв на магистерскую диссертацию последнего «Историческая философия Герцена», одновременно историософскую и «персоноцентричную»). «Вы не пошли до конца на избранном Вами пути: Вы не “доиндивидуализировали” Герц[ена]» [Галчева, Голубович 2015: 170]. Бицилли в сводном объемном обзоре не «доиндивидуализирован», мешает индивидуации и принятое по всему тексту сокращение его имени – ПМБ.

Завершаем наше приглашение погрузиться в жизнь и творчество Петра Бицилли вместе с Михаилом Бирманом возвращением к тезису об «открытой биографии». Последняя страница «Заключения» – это приглашение к активному продолжению бициллиеведческих штудий, приглашение не риторическое, как это часто бывает, а предельно конкретное и практическое. Маститый историк действительно предстает как организатор «бициллиеведческого процесса», адресно обозначая первоочередные задачи: необходимость издания хранящихся в Пушкинском доме ИРЛИ рукописей неопубликованных работ и эпистолярия; переиздание давно напечатанных в раритетных изданиях и ставших фактически малодоступными некоторых его трудов в форме избранных сочинений; розыск и публикация писем Бицилли, разбросанных в разных, преимущественно, частных архивах. Как раз тут «иноприродность» отношения к текстам биографа и его героя оказывается спасительно и продуктивно взаимодополнительной. Петру Михайловичу просто по человечески крайне «повезло» с биографом. Сам он не очень внимательно относился к своему эпистолярному наследию, в отличие от скрупулезного и дотошного в самом позитивном смысле создателя жизнеописания. И самое важное приглашение показывает, что Михаил Абрамович Бирман не считает, что его книга «закрывает» тему создания полноценной биографии Бицилли, напротив, она ее открывает: «желательно скорейшее создание (на основе целенаправленного и концентрированного исследования отдельных крупных пластов творчества и циклов публикаций ученого) сводных и обзорных монографических трудов о наследии П. М. Бицилли» [Бирман 2018: 293].

Список использованной литературы

- Бирман, М. А. (2018) *П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество*. Москва: Водолей, 444 с.
- Бирман, М. А. (2009) *Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса)*, в: *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи*, Одеса–Велико Търново, Т. 10, сс. 279–290.
- Бирман, М. А. (2006) *П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого*, в: *Бицилли, П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад*, сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим, Москва: Языки славянских культур, сс. 633–718.
- Бирман, М. А. (2005) *П. М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920–1923)*, в: *Славяноведение*, Москва, № 4, сс. 84–95.

- Бирман, М. А., Горяинов, А. Д. (2002) *Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов*, в: *Новая и новейшая история*, Москва, № 1, сс. 173–193.
- Бирман, М. А. (2000) *Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении)*, в: *Новый журнал*, Нью-Йорк, т. 218, сс. 167–179.
- Бирман, М. А. (1998) *А. П. Мещерский (1915–1992): Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа»*, в: *??????????: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*, Москва: Индрик, сс. 800–805.
- Бирман, М. А. (1997) *П. М. Бицилли (1879–1953)*, в: *Славяноведение*, Москва, № 4, сс. 49–63.
- Бицилли, П. М. (1916) *Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века*, Одесса: Зап. Имп. Новорос.ун-та, Ист.-филол. фак-та. Вып. 12, 389 с.
- Васильева, М. А. (2008) *П. М. Бицилли и Д. И. Чижевский: К истории одного «заочного диалога»*, в: *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, № 1, Воронеж, сс. 17–23.
- Галчева, Т. Н., Голубович И. В. (2015) *«Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции*, научн. ред. В. В. Янцен, София: Солнце, 320 с.
- Голубович, И. В. (2010) *П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике*, в: *Currículum Vitae. Вып. 2: Творчество П. М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одеського университета*, ред. коллегия: Довгополова О. А., Голубович И. В. та ін., Одеса: ФОП “Фрідман О. С.”, сс. 183–194.
- Клюев, А. И., Свешников, А. В. (2014) *П. М. Бицилли и петербургская школа медиевистики. Вместо предисловия*, в: *Средние века*. Вып. № 4, т. 75, сс. 387–394.
- Левченко, В. Л. (1999) *Культура как духовный контекст эпохи в работах П. М. Бицилли*, в: *Труды семинара по герменевтике (Герменеус)*. Вып. 1, Одесса: Принт Мастер, сс. 209–220.
- Попова, Т. Н. (2008) *Фундаторы бициллиеведения: М. Н. Велева, М. А. Бирман*, в: *Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов*, Брянск: ООО «Ладомир», Вып. 10, сс. 159–172.
- Попова, Т. Н. (2017) *Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика*, Одесса: Бондаренко М. А., 426 с.
- Попова, Т. Н. (2019) *Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия*, Одесса: Бондаренко М. А., 392 с.

- Попова, Т. Н., Голубович, И. В. (2019) *Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество.* М.: Водолей, 2018, в: *Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации: [коллективная монография] / ред. кол. Л. Н. Богатая, И. В. Голубович, К. В. Райхерт; отв. ред. Л. Н. Богатая, Одесса: Печатный дом, сс. 143–159.*
- Тесля, А. (2018) *Жизнь русского энциклопедиста в эмиграции и одиночестве. Бицилли [М. А. Бирман. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444с.], в: REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2548571.html>.*
- Чижевский, Д. И. (2007) *Избранное: В 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977, сост., вступ. ст. В. Янцена; Коммент. В. Янцена и др., Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 849 с.*
- Curriculum Vitae.* (2010) *Вып. 2: Творчество П. М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета*, ред. коллегия: Довгополова О. А., Голубович И. В. та ін. Одеса: ФОП “Фрідман О. С.”, 226 с.

Інна Голубович

«ВІДКРИТА БІОГРАФІЯ». М. А. БІРМАН ПРО ЖІТТЯ ТА ТВОРЧІСТЬ П. М. БІЦІЛЛІ

В статті даний критичний аналіз книги відомого історика М. А. Бірман «П. М. Біцилли (1879–1953). Життя та творчість» (М., 2018). Це перша повномасштабна біографія видатного представника російсько-українського емігрантського зарубіжжя. Реконструється авторський задум і здійснення «зведеного огляду життя та творчості», обґрунтовується теза «відкритої біографії» та матеріалів до біографій щодо змісту та структури книги М. А. Бірман. Перед нами принципово незавершений проект, інтригуюча інтелектуальна пропозиція для широкої міждисциплінарної спільноти гуманітаріїв.

Ключові слова: біцілієзнавство, П. М. Біцлі, М. А. Бірман, Л. П. Карсавін, І. М. Греєв, Салімбене, біоісторіографія.

Inna Golubovych

«OPEN BIOGRAPHY». M. A. BIRMAN ON P. M. BITSILLI'S LIFE AND WORK

The paper presents the book of the famous historian M. A. Birman “P. M. Bitsilli (1879–1953). Life and works” (M., 2018). This is the first full-scale biography of a foremost Russian intellectual in exile. Reconstructing the idea and implementation of the “summary overview” monograph proposed by the leader of Bitsillian studies, we substantiate the thesis about the

Birman's text as an “open biography”, a fundamentally unfinished project, an intriguing research proposal for an interdisciplinary Humanities.

“Open biography” is open to a variety of biographical interpretation and infinitely deepening understanding, when the “ghost” of hermeneutic circle is no longer a difficulty and almost dead end, but a guide to the fact that the process of comprehension of historical event and individual destiny cannot be completed. The thought moves in an expanding circle. In this sense, the best biography is a subgenre that can be called “materials for biographies (in the plural, it is fundamentally important).

One of the most principled question for us what is the internal spiritual and intellectual connection between the author and hero of biography: congeniality or distance? Our point of view, in the version of M. A. Birman this is a position of distance, foreignness, heterogeneity of the scientific attitude. However, such disposition offers new opportunities, creates more multidimensional optics for reading the “book of life” of an outstanding scholar Petr Bitsilli.

Keywords: Bitsillian studies, P. M. Bitsilli, M. A. Birman, Biohistoriography, L. P. Karsavin, I. M. Greys, Salimbene.

References

- Birman, M. A. (2018) *P. M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn i tvorchestvo [P. M. Bitsilli (1879–1953). Life and works]*, Moskva: Vodoley, 444 p.
- Birman, M. A. (2000) *Russkaja jemigracija v Bolgarii (v nauke, kul'ture i prosveshhenii)* [Russian emigration in Bulgaria (in science, culture, education)], v: *Novyj zhurnal*, New York, Vol. 218, pp. 167–179.
- Birman, M. A., Gorjainov, A. D. (2002) *Rossijskie intellektualy-jemigranty v Bolgarii 1920–1930-h godov* [Russian intellectuals-emigrants in Bulgaria in the 1920s and 1930s], v: *Novaja i novejsaja istorija*, Moskva, № 1, pp. 173–193.
- Birman, M. A. (1997) *P. M. Bitsilli (1879–1953)*, v: *Slavjanovedenie*. Moskva, № 4, pp. 49–63.
- Birman, M. A. (2005) *P. M. Bitsilli v jugoslavskij period jemigracii (1920–1923)* [P. M. Bitsilli in the Yugoslav period of emigration (1920–1923)], v: *Slavjanovedenie*, Moskva, № 4, pp. 84–95.
- Birman, M. A. (2006) *P. M. Bitsilli (1879–1953). Shtrihi k portretu uchenogo* [P. M. Bitsilli (1879–1953). Strokes to the portrait of a scientist], in: *Bitsilli, P. M. Izbrannye trudy po srednevekovoj istorii: Rossiya i Zapad*, sost. F. B. Uspenskij; отв. ред. М. А. Jusim, Moskva: Jazyki slavjanskikh kul'tur, pp. 633–718.
- Birman, M. A. (2009) *Jetapy, vehi i paradoksy bicillivedenija (K postanovke*

- voprosa) [Stages, Milestones, and Paradoxes of Bicillian Studies (To the Question)], v: *Bulgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledovanija i materiali*. Vtora chast. Bitsiliznaniето v mezhdunarodnoto intelektualno prostranstvo: sostojanie i perspektivi, Odesa–Veliko Turnovo, vol. 10, pp. 279–290.
- Birman, M. A. (1998) *A. P. Meshcherskij (1915–1992): Neskolko stranic k biografii pervogo «bicillieveda»* [A.P. Meshchersky (1915–1992): A few pages to the biography of the first “bicillologist”], v: ??????????: *K 70-letiju Vladimira Nikolaevicha Toporova*, Moskva: Indrik, pp. 800–805.
- Bitsilli, P. M. (1916) *Salimbene. Ocherki italjanskoj zhizni XIII veka* [Salimbene. Essays on the Italian life of the life of the 13th century], Odessa: Zap. Imp. Novoros.un-ta, Ist.-filol. fak-ta. Vyp. 12, 389 p.
- Vasileva, M.A. (2008) *P. M. Bitsilli i D. I. Chizhevskij: K istorii odnogo «zaochnogo dialoga»* [P. M. Bitsilli and D. I. Chizhevsky: On the history of a “correspondence dialogue”], v: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Filologija. Zhurnalistika, № 1, Voronezh, pp. 17–23.
- Galcheva, T. N., Golubovych I. V. (2015) «*Ponemnogu prisposobljajus' k «nezavisjashhim obstojatel'stvam»»: P.M. Bitsilli i semja Florovskih v pervye gody jemigracii* [“Little by little I adapt myself to the “circumstances beyond control”] nauchn. red. V. V. Jancen, Sofija: Solnce, 320 p.
- Golubovych, I. V. (2010) *P. M. Bitsilli o fenomene avtobiografii i «biograficheskij povorot» v sovremennoj gumanitaristike* [P. M. Bitsilli on the phenomenon of autobiography and the “biographical turn” in modern Humanities], v: *Curriculum Vitae*. Vyp. 2: Tvorchestvo P. M. Bitsilli i fenomen gumanitnoj tradicii Odeskogo universiteta, red. kolegija: Dovgoplova O. A., Golubovych I. V. ta in., Odesa: FOP “Fridman O.S.”, pp. 183–194.
- Kljuev, A. I., Sveshnikov, A. V. (2014) *P. M. Bitsilli i peterburgskaja shkola medievistiki. Vmesto predislovija* [P. M. Bitsilli and the St. Petersburg School of Medieval Studies. Instead of a foreword], v: *Srednie veka*. Vyp. № 4, Vol. 75, pp. 387–394.
- Levchenko, V. L. (1999) *Kultura kak duhovnyi kontekst epohi v rabotah P. M. Bitsilli* [Culture as a Spiritual Context of Epoch in the Works of P. M. Bitsilli], v: *Trudy seminara po germenevtiki (Germeneus)*, vyp. 1, Odessa, Print Master, pp. 209–220.
- Popova, T. N. (2008) *Fundatory bitsillievedenija: M. N. Veleva, M. A. Birman* [Founders of Bitsillian Studies: M.N. Veleva, M.A. Birman], v: *Problemy sljvanovedenija*. Sb. nauchnyh statej i materialov, Brjansk: OOO «Ladomir», vyp. 10, pp. 159–172.
- Popova, T. N. (2017) *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke*

- istoriograficheskikh tradicij. Teorija. Metodologija. Praktika* [Biography of a historian at the crossroads of historiographic traditions. Theory. Methodology. Practice], Odessa: Bondarenko M. A., 426 p.
- Popova, T. N. (2019) *Disciplinarnyj obraz nauki: podhody i ponjatija* [Disciplinary image of science: approaches and concepts], Odessa: Bondarenko M. A., 392 p.
- Popova, T. N., Golubovych, I. V. (2019) *Razmyshlenija na dva golosa. Chitaem knigu: Birman M. A. P. M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn i tvorcestvo. M.: Vodolej, 2018* [Reflections on two voices. We are reading the book: Birman M.A. P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and work. M.: Aquarius, 2018], v: *Kultura ukrainskikh filosofskikh soobshhestv: situacija transformacii*: [kollektivnaja monografija] / red.kol. L. N. Bogataja, I. V. Golubovych, K. V. Rajhert; otv. red L. N. Bogataja, Odessa: Pechatnyj dom, pp. 143–159.
- Teslja, A. (2018) *Zhizn russkogo jenciklopedista v jemigracii i odinochestve. Bitsilli [M. A. Birman. P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn i tvorcestvo. M.: Vodolej, 2018. 444 p.]* [The life of a Russian encyclopedist in emigration and loneliness. Bitsilli [Birman M. A. P. M. Bitsilli (1879–1953). Life and work. M.: Aquarius, 2018], v: *REGNUM*. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2548571.html>
- Chizhevskij, D. I. (2007) *Izbrannoe: V 3 t. T. 1: Materialy k biografii: (1894–1977)* [Selected works: In 3 vol. Vol. 1: Materials for biography: (1894–1977], sost., vstup. st. V. Jancena: Komment. V. Jancena i dr., Moskva: Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezhie»; Russkij put, 849 p.
- Curriculum Vitae* (2010) Vyp. 2: Tvorcestvo P. M. Bitsilli i fenomen gumanitarnoj tradicii Odeskogo universiteta, [Curriculum Vitae. Issue. 2: The work of P.M.Bitsilli and the phenomenon of the humanitarian tradition of Odessa University], red. kolegija: Dovgoplova O. A., Golubovych I. V. ta in. Odesa: FOP “Fridman O. S.”, 226 p.

Стаття надійшла до редакції 7.05.2020

Стаття прийнята 7.06.2020